

Н. А. Берсенева

ПОДВИЖНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВО: СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИЙ ФЕНОМЕН ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

doi: 10.30759/1728-9718-2020-4(69)-42-50

УДК 902.2(470.54)“637”

ББК 63.4(235.55)

Исследование ставит своей целью рассмотрение влияния мобильного образа жизни и миграций на социальные группы в эпоху бронзы, в первую очередь возрастные и гендерные. Предметом исследования являлись памятники срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья. Всего было проанализировано 148 могильных ям из 11 некрополей (165 индивидов). Изучение показало, что образование смешанных культурных комплексов определенно отражает и изменения, произошедшие в социальной сфере. Население контактной зоны обращалось с умершими женщинами скорее в алакульской манере, нежели в срубной. Дети, наоборот, были погребены по срубному обряду, то есть в абсолютном большинстве случаев только с посудой в качестве сопроводительного инвентаря. Мужчин также хоронили без инвентаря, лишь с сосудами, что в равной мере соответствует и алакульской, и срубной традиции. Механизм передачи культурных норм трудно восстановить по археологическим данным, но представляется, что имели место брачные связи между различными по происхождению группами населения, в результате которых алакульские традиции постепенно размывались, и новое поколение воспитывалось в рамках срубных культурных стереотипов. Наиболее устойчивыми, судя по погребальным данным, оказались алакульские каноны, связанные с погребением женщин с украшениями в качестве сопроводительного инвентаря.

Ключевые слова: *Южное Зауралье, бронзовый век, мобильность, гендер, возраст*

Миграции и движение населения в древности являются сегодня весьма актуальной в науке темой. Все более широкое использование естественнонаучных методов (анализ ДНК, изотопные исследования) позволяет доказать перемещения как коллективов, так и отдельных индивидов с большой степенью уверенности.¹ Результаты применения методов точных наук должны тем не менее согласовываться с археологическим контекстом, и это открывает для археологии почти необозримые перспективы изучения миграций людей в дописьменные эпохи. Но не все вопросы, стоящие сегодня на повестке дня, можно решить при помощи высокоточных технологий. Археология часто имеет дело не только с крупномасштабными миграциями и движением целых народов, но и с постепенным движением людей на новые или слабозаселенные территории, диктуемым, вероятно стремлением узнать или увидеть что-то новое, найти источники сырья или места для более комфортного проживания. Вся история человечества в определенном смысле история движения. Археология, в свою очередь,

должна не только доказать и изучить сам факт путешествия, но и пойти дальше — понять, как мобильность влияет на социальные отношения между людьми или группами людей.²

Поскольку археология — это наука, изучающая общества по оставленным ими материальным свидетельствам, мы предполагаем, что следы перемещений и контактов людей в эпоху бронзы на Южном Урале могут быть обнаружены при изучении археологических памятников — как поселений, так и могильников.

Предлагаемая работа имеет своей целью изучение влияния миграций и подвижного образа жизни на социальные группы в эпоху бронзы, в первую очередь на гендерные и возрастные. Поэтому исследование основано на материалах некрополей. Передвижение отдельных людей или групп населения могло оставить следы как в комплексе артефактов, так и в других особенностях погребального обряда.

В данной работе речь пойдет о так называемой срубно-алакульской или срубно-андроновской контактной зоне. Памятники, сочетающие в той или иной пропорции алакульские и срубные черты, занимают довольно обширную зону Южного Урала на стыке срубного и алакульского ареалов и локализуются по обе стороны Уральского хребта (рис. 1). По куль-

¹ См.: Мобильность и миграции: концепции, методы, результаты: материалы V Междунар. симпоз. Новосибирск, 2019.

² См.: Past Mobilities. Archaeological Approaches to Movement and Mobility. Farnham, 2014.

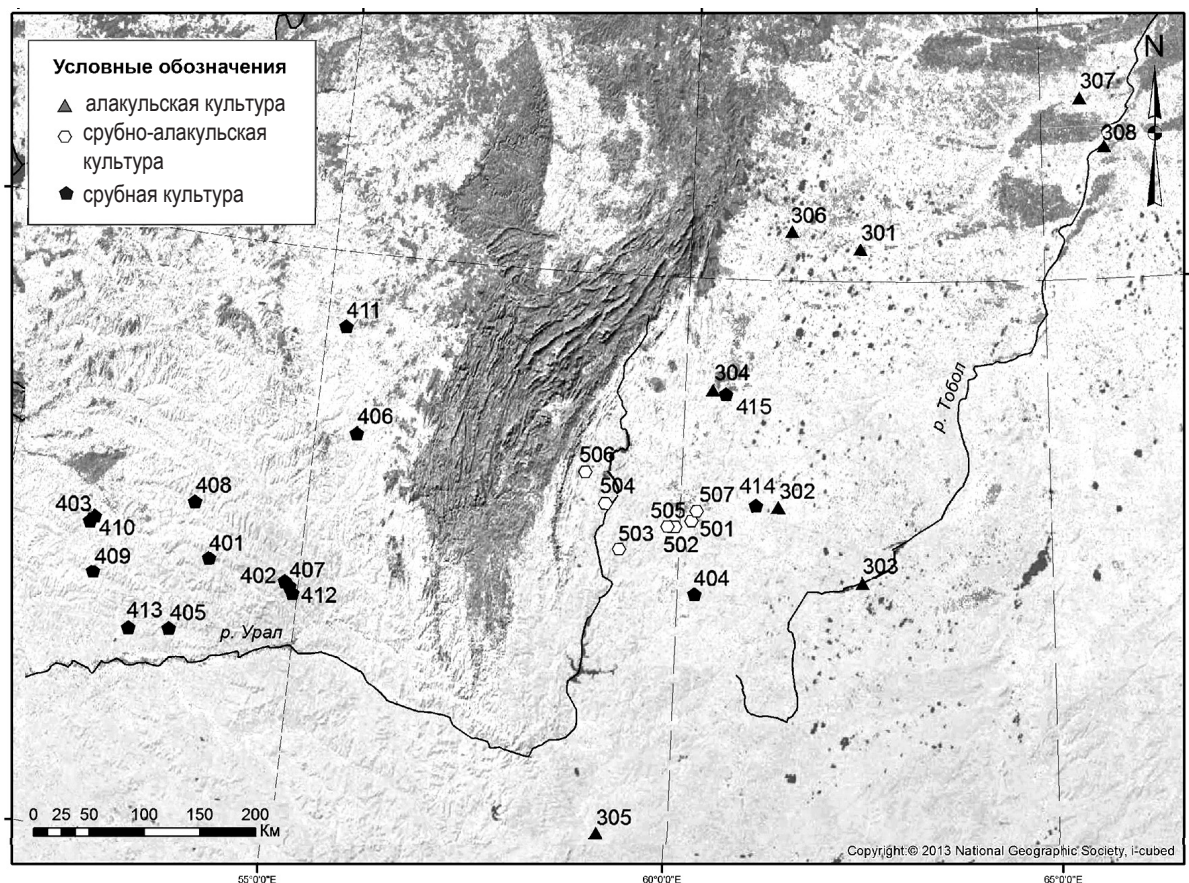


Рис. 1. Карта ключевых алакульских, срубных и срубно-алакульских погребальных памятников Южного Урала:

Алакульская культура: 301 — Алакуль, 302 — Кулевчи VI, 303 — Лисаковский I, 304 — Степное VII, 305 — Тасты-Бутак, 306 — Урефты I, 307 — Хрипуновский, 308 — Чистолембяжский
 Срубная культура: 401 — Боголюбовский, 402 — Комиссаровский, 403 — Лабазовский, 404 — Мирный II, 405 — Мустаево V, 406 — Николаевский, 407 — Першин, 408 — Плешановский II, 409 — Свердлово, 410 — Скворцовский, 411 — Старо-Ябалаклинский, 412 — Уранбаш-южный, 413 — Шумаевский II
 Срубно-алакульская культура: 501 — Ак-мулла I, II; 502 — Городищенское IX, 503 — Ильясский I, 504 — Наровчатский I, 505 — Песчанка 2, 3; 506 — Селивановский II, 507 — Система 1, 2, 4, 6

турным чертам их трудно разделить на чисто срубные или алакульские комплексы, да они и не являются таковыми. Среди ученых может не быть единодушия по поводу отдельных памятников, погребений или сосудов, но существование самой контактной зоны и синкретических памятников сомнений не вызывает.³ Антропологическое изучение краниологических материалов срубно-алакульских некрополей также показало морфологическую неоднородность серий как внутри каждого могильника, так и между разными памятниками.⁴

Первым срубно-алакульскую контактную зону подробно охарактеризовал К. В. Сальников. Он полагал, что «с востока проникали целые группы андроновского населения, которые вливались в срубные общины, не образуя особых поселений», и заключил, что «большую роль в процессе... играли экзогамные браки и приток андроновских женщин».⁵ Основываясь на этнографических аналогиях, он предложил в качестве объяснения вариант «чересполосного проживания», то есть наличия одновременно смешанных и «чистых» памятников.⁶ Проблема, по мнению И. П. Алаевой,⁷ заключается

³ См.: Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 226–230; Рутто Н. Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа, 2003; Алаева И. П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2015; и др.

⁴ См.: Китов Е. П., Хохлов А. А. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестн. антропологии. 2008. № 16. С. 71–83.

⁵ Сальников К. В. Указ. соч. С. 226–230.

⁶ См.: Там же. С. 225.

⁷ См.: Алаева И. П. Особенности функционирования срубно-алакульской контактной зоны в Южном Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы сохранения и изучения культурного наследия: материалы Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н. Г. Рутто. Уфа, 2016. С. 40.

в выделении чистых памятников, так как почти все они носят синкретический характер. Что же касается перемещений «андроновских женщин», установить матри/патрилокальное проживание по археологическим данным весьма трудно, однако представляется, что брачные связи с высокой долей вероятности имели место.

Для территории Приуралья (Бельско-Уральского междуречья) срубно-алакульские памятники были наиболее полно систематизированы и охарактеризованы в работе Н. Г. Рутто.⁸ Исследовательница выделила «константные признаки погребального обряда срубной культуры» и «распространенные черты алакульской культуры».⁹ Первые три признака из четырех: ингумация в неглубоких ямах, позиция умершего скорченно на левом боку, разная степень скорченности — в равной степени характеризуют обе культуры. Различия выделялись исследовательнице в следующем: 1) применение камня в алакульском обряде; 2) западная ориентировка алакульских погребенных; 3) больший процент захороненных на правом боку в алакульской культуре; 4) помещение сосудов в изголовье (за головой) покойного (в срубном обряде — перед лицом). На этом основании Н. Г. Рутто были выделены синкретичные комплексы в составе Санзяповского, Старо-Ябалаклинского, Акназаровского и ряда других могильников.¹⁰

Для Южного Зауралья срубно-алакульская проблематика была подробно изучена И. П. Алаевой в ее диссертации, а также в последующих работах.¹¹ Исследовательница полагает, что «в пределах контактной зоны срубная культура контактировала не с алакульской культурой в ее классическом варианте, а с западноалакульской», в сложении которой, вероятно, могло участвовать раннесрубное население.¹²

В целом представляется, что для территории Приуралья речь может идти лишь об отдельных срубно-алакульских погребениях или

курганах, не о могильниках. В Зауралье, где алакульская традиция была доминирующей, алакульский компонент в посуде виден яснее, и возможно, что центр этой контактной зоны как раз находился здесь, что подтверждается формированием синкретических могильников. В данной работе речь пойдет о зауральских памятниках.

Для срубно-алакульской культурной группы характерна непростая ситуация с антропологическими определениями. В нашей работе анализировались памятники Ильясский I, Ак-Мулла I, Ак-Мулла II, Городищенское IX, Наровчатский I, могильники у станции Система (1, 2, 4, 6), Селивановский II и Песчанка 3.¹³ Всего, таким образом, было проанализировано 148 могильных ям из 11 могильников (165 индивидов). Часть материалов была использована в ограниченном объеме, поскольку идентификация антропологического материала для них не производилась. Антропологические определения имеются лишь по могильникам Селивановскому II и Песчанка 3 (40 индивидов, табл. 1).¹⁴

С одной стороны, с алакульскими могильниками эти памятники роднят в основном некоторые особенности декора сосудов, относительно большое количество детей младшей возрастной группы среди погребенной популяции, а также наличие коллективных захоронений, не характерных для срубной погребальной традиции. С другой стороны, относительная скудность или даже полное отсутствие погребального инвентаря, сочетание срубных и алакульских черт на сосудах, абсолютное преобладание северных ориентировок покойных, некоторые особенности морфологии украшений не позволяют считать эти могильники алакульскими.

В целом же срубно-алакульские комплексы выделены в основном на базе различий в керамическом материале и по наличию алакульских черт в срубном погребальном об-

⁸ См.: Рутто Н. Г. Указ. соч.

⁹ Там же. С. 54, 55.

¹⁰ См.: Денисов И. В., Исмагилов Р. Б. I Санзяповский могильник срубной культуры на юге Башкирии // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 35–40; Горбунов В. С., Морозов Ю. А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991; Обиеннова Г. Т., Рутто Н. Г., Исмагилов Р. Б. Акназаровский курганный могильник срубной культуры // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 40–53.

¹¹ См.: Алаева И. П. Культурная специфика памятников...; Она же. Особенности функционирования... С. 40–63.

¹² См.: Она же. Особенности функционирования... С. 50, 51.

¹³ См.: Любчанский И. Э., Иванова Н. О. I Ильясский могильник — новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 89–105; Гаврилюк А. Г., Григорьев С. А., Марков С. С. Погребальные комплексы. Могильники Ак-Мулла I, Городищенское-IX, Наровчатский II // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 89–152; Костюков В. П., Алаева И. П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестн. ЧГУ. Сер. 1: Исторические науки. Челябинск, 2004. Вып. 2. С. 5–56.

¹⁴ См.: Рафикова Я. В. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных захоронений эпохи бронзы // РА. 2008. № 4. С. 72–83; Алаева И. П., Марков С. С. Памятники бронзового века у села Песчанка в Южном Зауралье // Уфим. археол. вестн. 2009. Вып. 9. С. 28–45.

Таблица 1

**ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ ПОГРЕБЕННЫХ СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИХ,
СРУБНЫХ И АЛАКУЛЬСКИХ МОГИЛЬНИКОВ***

Культурная принадлежность	Дети до 2 лет	Дети 2–15 лет	Взрослые 15–40 лет	Взрослые от 40 лет	Взрослые без определения возраста	Дети без определения возраста	Общее количество погребенных
Срубно-алакульская культура	9	17	10	1	3	—	40
Срубная культура	46	83	64	27	80	91	391
Алакульская культура	140	81	58	12	31	42	364

* В таблице 1 учитывались только индивиды, снабженные антропологическими определениями.

Таблица 2

ГРУППИРОВКА ПОГРЕБЕННЫХ ПО МОГИЛЬНЫМ ЯМАМ*

Моги́льник	Индивидуальные погребения	Двойные погребения	Тройные погребения	Коллективные погребения
Селивановский II	6	7	—	1
Песчанка 3	16	—	—	—
Ак-Мулла I	31	3	—	—
Ильясский I	18	1	—	—
Городищенское IX	5	1	1	—
Наровчатский I	5	1	—	—
Всего	81	13	1	1

* Еще 35 ям или были полностью ограблены, и/или не обрабатывались антропологами, и количество погребенных в них неизвестно (как минимум один человек), соответственно, они не учтены в данной таблице.

ряде. Поселения, расположенные в контактной зоне, также демонстрировали присутствие керамики со срубными или алакульскими чертами, и смешанных форм.¹⁵ Очевидно, что срубно-алакульская контактная зона характеризовалась смешением и взаимодействием населения, механизмы которого не до конца понятны. Вероятно, сосуществование было достаточно мирным, представители разных культурных традиций проживали на одних и тех же поселениях, вступали в браки и перенимали традиции изготовления керамики и другие элементы культуры, вплоть до погребальных обычаев.

Как уже отмечалось выше, для срубно-алакульских памятников количество антропологических определений сравнительно невелико (см. табл. 1). Поэтому возрастной и гендерный анализ погребенных доступен лишь в ограниченном виде. Тем не менее возможно, что даже эти скромные данные помогут выявить

черты сходства или отличия смешанных памятников от более или менее культурно-однородных в сфере гендерно-возрастных характеристик погребенных.

В срубно-алакульских памятниках, в отличие от чисто срубных, заметно характерное для алакульской культуры резкое преобладание детских захоронений над взрослыми (65 %) (табл. 1).¹⁶ По доступным нам материалам видно, что количество женщин и мужчин приблизительно равно, так что нет оснований говорить о предпочтении в пользу одного из гендеров.

В синкретических моги́льниках доминируют индивидуальные захоронения (табл. 2). 85,2 % умерших были погребены в индивидуальных ямах. В моги́льниках срубной культуры это количество составляет 93,9 %, а в алакульских — 83,2 %. Это усредненная цифра, но очевидно, что она находится где-то между срубным и алакульским показателями. Если рассматривать индивидов по возрастным категориям (без учета разрушенных моги́льных

¹⁵ См.: Петров Ф. Н., Куприянова Е. В. Поселения эпохи бронзы в Аркаимской долине: по результатам разведочных исследований 1997–2015 гг. М., 2016; Порохова О. И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 60–71.

¹⁶ См.: Берсенева Н. А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н. э. (по материалам погребальных памятников): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2019. С. 15–19.

ям с «несохранившимися» костями), то 32,5 % взрослых и 20,4 % детей были погребены в парных и коллективных могильных ямах. Этот процент в среднем меньше, чем в алакульской культуре, но больше, чем в срубной.

Состав умерших в парных захоронениях разнообразен: два захоронения взрослого и ребенка (мог. Селивановский II, кург. 1, яма 11; мог. Ак-Мулла I, кург. 4, яма 14), два полностью детских (мог. Селивановский II, кург. 1, ямы 3 и 13) и два подростковых погребения (мог. Селивановский II, кург. 1, ямы 2 и 14). Остальные могильные ямы принадлежали взрослым (два в «позе объятия» — мог. Селивановский II, кург. 1, ямы 10 и 12). Коллективное погребение включало четырех детей 3–4 и 6–7 лет (двое из них также были уложены в «позу объятия» — мог. Селивановский II, кург. 1, яма 7). Таким образом, наибольшее количество парных захоронений (шесть) и единственное коллективное (четверо покойных) было открыто на могильнике Селивановском II.

Позиция умерших в могильной яме соответствует в целом как срубным, так и алакульским канонам — скорченно на левом боку. Однако если в срубных памятниках процент погребений на правом боку составляет около 5 %, то в данной выборке доходит до 26,1 %, правда, в основном за счет могильника Селивановского II и отчасти Наровчатского. Для алакульских памятников количество захоронений на правом боку составляет в среднем 20 %. На правом боку погребались как мужчины, так и женщины и дети. Большинство покойных, уложенных на правый бок, происходят из парных и коллективных захоронений, индивидуальными захоронениями являются лишь две женщины из Селивановского II могильника (ямы 4 и 9).

В парных погребениях в двух случаях на правом боку лежали мужчины (в захоронениях в «позе объятия» — мог. Селивановский II, кург. 1, ямы 10 и 12) и в трех случаях — дети 6–7 лет, из них один также в «позе объятия» (мог. Селивановский II, кург. 1, яма 7). В могильнике Ильясском I — двое взрослых индивидов были уложены на правый бок. В могильнике Наровчатском I (кург. 1, яма 5) также были захоронены двое взрослых индивидов, оба на правом боку. Погребение не сопровождалось инвентарем, останки антропологами не изучались. Пожалуй, это одни из редких случаев, когда оба умерших уложены на правый бок.

Ориентация погребенных в срубно-алакульских памятниках полностью отвечает срубной традиции — головой в северный сектор — 92,0 %. Эта цифра очень близка к полученной по срубным памятникам — 93,8 %.

Скудное количество определенных антропологами взрослых — всего 12 (см. табл. 1) — делает какие-либо гендерные реконструкции спорными, однако на общем фоне срубных и алакульских памятников можно попытаться увидеть сходство или различия в снабжении покойных инвентарем, что, возможно, покажет особенности срубно-алакульской культурной традиции в изучаемом нами аспекте.

Мужские погребения. В выборке всего шесть индивидов из могильников Селивановского и Песчанка 3. Возраст умерших молодой — от 17–25 до 30–35 лет. В Селивановском кургане 1 двое покойных мужчин из трех были захоронены с женщинами в «позе объятия», третий — индивидуально. Мужчинам было поставлено по одному сосуду, другого инвентаря не было. Из костей животных с одним из умерших было обнаружено два ребра мелкого рогатого скота. В погребениях Песчанки 3 (индивидуальных) кроме посуды был некоторый инвентарь — бронзовый «зажим» (второе центральное погребение 5, кург. 3) и каменный пест в яме 3 кургана 8 Песчанки 3. Костей животных не найдено.

Женские погребения. Антропологически определенных женских скелетов также шесть: четыре из Селивановского II могильника и два из Песчанки 3. В Селивановском были погребены молодые женщины — от 15–16 до 20–25 лет. Две из них были захоронены индивидуально, на правом боку, без инвентаря, лишь с посудой. Две другие женщины (от 20–25 лет) были уложены на левом боку в «позу объятия», и на них были надеты украшения — бронзовые браслеты, низки бусин в области ног, бусины в области шеи.

В Песчанке 3 оба индивида женского пола были погребены индивидуально. Одна из женщин относилась к старшей возрастной группе — 50–60 лет, с ней было поставлено два сосуда, также были найдены две пастовые (фаянсовые) бусины. Второе погребение представляло собой кремацию взрослой женщины, без инвентаря и посуды.

Взрослые без определения пола. Взрослых умерших, пол которых не был установлен (без учета полностью разрушенных могил), 40 индивидов. В семи ямах с непотревоженными

Таблица 3

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОПРОВОДИТЕЛЬНОГО ИНВЕНТАРЯ
И ВОЗРАСТА ПОГРЕБЕННЫХ ДЕТЕЙ*

Категории сопроводительного инвентаря	Количество детей	Возраст, годы
Кристалл горного хрусталя	2	новорожденный (2)
Бусина	2	7-8
Астрагал	1	?
Бронзовый браслет	2	7-8 и ?
Мелкое бронзовое украшение	2	6-7 и ?
Амулет (просверленный клык хищника)	1	новорожденный
Костяное изделие	1	6-7

* В данной таблице учитывались все погребения детей (85 индивидов).

участками (как правило, это кости ног) встречены украшения: браслеты, подвески в полтора оборота, низки бус в области стоп. Можно предположить с большой долей уверенности, что здесь были похоронены женщины. Другие предметы в выборке погребений без определения пола не обнаружены, за исключением бронзового шила в могильнике Наровчатском. В целом эти ямы почти все ограблены — за исключением семи, где не было инвентаря, кроме сосудов и упомянутого выше шила. Кроме того, в одной из полностью ограбленных ям были найдены пять просверленных клыков животных и бронзовый браслет.

Детские погребения. Мы располагаем данными о 85 индивидах, умерших до достижения 15 лет (72 могильные ямы, в 20 из них кости не сохранились). Возраст смерти определен лишь для 25 покойных. Подавляющее большинство детских захоронений — индивидуальные (46 могильных ям, то есть 88,5 %, без учета «пустых» ям). Как правило, это неглубокие периферийные могилы. Деревянные перекрытия сохранились в 11 случаях, и 19 погребений были закрыты каменными плитами (с учетом ям с несохранившимися костями). В одном случае новорожденный ребенок был уложен в каменный ящик (мог. Песчанка 3, кург. 7, яма 2). Парных ям, где хотя бы один из умерших ребенок, насчитывается шесть. Две из них — захоронения взрослого и ребенка, пол взрослых не установлен. Правда, в одном случае сохранились ноги костяка, в области которых было расчищено 80 бронзовых бусин, и значит, вполне допустимо предположение, что здесь была погребена женщина с ребенком (мог. Ак-Мулла I, кург. 4, яма 14). Во втором случае были найдены кости взрослого и человеческого эмбриона (мог. Селивановский II,

яма 11), но погребение ограблено и инвентарь или отсутствовал, или не сохранился.

Детей хоронили в индивидуальных, парных и коллективных могильных ямах. В одном погребении двое детей возрастом 3-4 и 5-6 лет были уложены на левый бок (мог. Селивановский II, яма 3). В другом несколько более старшие дети (7-8 и 8-9 лет) находились в такой же позиции (мог. Селивановский II, яма 13). В яме 13 дети были захоронены в «позе объятия» и один из умерших (девочка?) был уложен на левый бок, на руках были браслеты, несколько бусин находилось в области черепа, со вторым ребенком (мальчиком?), который лежал на правом боку, были найдены четыре просверленных клыка волка. В яме 14 в «позе объятия» были уложены подростки — 9-10 и 14-15 лет. Погребенный на левом боку инвентаря не имел, а погребенный на правом боку (мальчик?) сопровождался раковиной и тремя просверленными клыками волка. Кроме двух упомянутых, исследована яма на могильнике Наровчатском (кург. 4, яма 2), где были похоронены двое детей (младенцы, согласно мнению авторов раскопок) в сопровождении четырех сосудов.

Как видно из таблицы 3, инвентарь детских захоронений из срубно-алакульских могильников не отличался разнообразием.

47 индивидов из 65¹⁷ (72,3 %) были погребены в сопровождении только посуды, девять — без какого-либо инвентаря. В пяти могилах встречены украшения — браслеты, бусины. В двух случаях (оба из Песчанки 3) младенцам было положено по кристаллу горного хрусталя. В могильнике Ильяском (кург. 10, яма 2) с ребенком (возраст не определен) было

¹⁷ Без учета ям с несохранившимися останками.

найденно 318 астрагалов. Кроме этих предметов, остаются только упомянутые выше клыки волка и костяная трубочка.

Анализ инвентаря по возрастным категориям. Напомним, антропологическому анализу были подвергнуты останки 25 детей из могильников Селивановского II и Песчанка 3. В младшей возрастной группе (0–2 года) — девять индивидов, преимущественно из Песчанки 3 (семь). Погребения этой группы снабжены лишь сосудами, за исключением двух младенцев, которым были положены кристаллы горного хрусталя (мог. Песчанка 3, кург. 7, ямы 1 и 2).

Детей старшей возрастной группы — 13 (от 2 до 10 лет). Лишь с пятью из них были предметы не являющиеся посудой: украшения, волчьи клыки, костяная трубочка.

Подростков (10–15 лет) — всего три индивида, только с одним из них были найдены клыки волка и раковина.

Пожалуй, единственный вывод, который можно сделать на основе такой маленькой выборки — что присутствие погребального инвентаря и его состав в этих могильниках не зависели напрямую от возраста и, вероятно, пола умершего ребенка, так как никакой динамики не наблюдается. Скорее всего, эти скромные предметы были положены родственниками или теми, кто погребал этих детей, по их субъективному выбору и соответственно с их возможностями. Кристаллы и волчьи клыки могли быть оберегами или амулетами. Манера сопровождения детей предметами скорее напоминает срубную традицию, нежели алакульскую.

Таким образом, рассмотренные и проанализированные выше памятники отчетливо отражают смешение культурных традиций не только в облике керамики, но и в деталях погребального обряда, включая его половозрастные аспекты. По некоторым особенностям обряда (количество парных и коллективных захоронений, количество погребений на правом боку) эти памятники занимают промежуточную позицию между срубными и алакульскими традициями, по другим (северная ориентация в могильной яме, принципы снабжения умерших инвентарем, слабая зависимость наличия и особенностей инвентаря от пола и возраста умершего) — они очень близки срубной традиции.

Образование смешанных культурных комплексов определенно является отражением изменений, произошедших в социальной сфе-

ре, как минимум в возрастных и гендерных социальных группах. Эти изменения ясно видны в погребальных памятниках. В Зауралье срубные погребальные традиции несколько трансформировались под влиянием алакульских. Судя по имеющимся данным, это происходило постепенно. По мнению И. П. Алаевой, проникновение срубного населения в степное Зауралье из Приуралья произошло достаточно рано, в XIX–XVIII вв. до н. э. (так называемый раннесрубный этап, синхронный петровским (раннеалакульским) памятникам).¹⁸ Этот период представлен относительно чистыми срубными могильниками, где почти не прослеживается алакульского влияния (например, мог. Каменный Амбар-5). Позднее срубное население Зауралья включилось во взаимодействие с прибывающим сюда с востока алакульским населением. Результатом стало образование обширной контактной зоны, населенной коллективами, сочетающими в себе в различных пропорциях и срубные, и алакульские культурные стереотипы. В поселенческих памятниках данный процесс нашел отражение в появлении смешанных типов керамики, в погребальном обряде — в трансформации принципов обращения с умершими разного пола и возраста.

Анализ погребений показывает, что население контактной зоны обращалось с умершими женщинами скорее в алакульской манере, нежели в срубной. Можно констатировать определенное сходство между срубно-алакульским и алакульским погребальным обрядом в сфере снабжения инвентарем взрослых женщин. Судя по непотревоженным погребениям и сохранившимся участкам ограбленных могил, в целом не менее 50% женщин в синкретических памятниках были погребены с украшениями, по крайней мере, обуви, что характерно для женщин алакульской культуры. Однако если в алакульских могильниках почти 100% женщин были погребены с украшениями, то в синкретических — лишь половина. Противоположное отношение мы наблюдаем к детям. Их хоронили в срубной манере, то есть в абсолютном большинстве случаев только с посудой в качестве сопроводительного инвентаря.¹⁹ Мужчин также погребали практически без

¹⁸ См.: Алаева И. П. Особенности функционирования... С. 45.

¹⁹ В среднем в срубных памятниках Южного Урала 73,9% детей были погребены лишь в сопровождении посуды или вовсе без инвентаря, тогда как в алакульских памятниках этот процент составляет 46,6%. См.: Берсенева Н. А. Указ. соч. С. 17–19.

инвентаря, что в равной мере соответствует и алакульской, и срубной традиции.

Механизм передачи культурных норм трудно восстановить по археологическим данным, но представляется, что имели место разнонаправленные брачные связи между различными по происхождению группами населения, в результате которых алакульские традиции

постепенно размывались, и новое поколение воспитывалось в рамках срубных или новых, синкретических (срубно-алакульских) культурных стереотипов. Наиболее устойчивыми, судя по погребальным данным, оказались те алакульские каноны, которые были связаны с традицией погребения женщин с украшениями в качестве сопроводительного инвентаря.

Natalia A. Berseneva

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Chelyabinsk)
E-mail: bersnatasha@mail.ru

MOBILE LIFESTYLE AND SOCIETY: THE SRUBNAYA-ALAKUL PHENOMENON IN THE BRONZE AGE OF THE SOUTHERN TRANS-URALS

The study discusses the influence of mobile lifestyle and migrations on social groups in the Bronze Age, first of all, age and gender groups. The article considers the sites of the Srubnaya-Alakul contact zone in the Southern Trans-Urals. In total, 11 burial grounds (148 graves and 165 individuals) have been analyzed. The study has demonstrated that the formation of mixed cultural complexes definitely reflects the changes in the social sphere too. The contact area population treated the dead women more likely in the Alakul manner than in the Srubnaya rite. On the contrary, children were buried according to the Srubnaya rite, presumably with only pottery as grave goods. Males were also buried without any grave goods, except for vessels that corresponded equally to both Alakul and Srubnaya traditions. It is difficult to reconstruct the mechanism of transferring of cultural norms from archaeological source, but it seems that there were marriages between different in their origin groups of the population, and, as a result, the Alakul traditions were gradually eroded, and the new generation was brought up in the framework of the Srubnaya cultural stereotypes. Judging by the funeral data, the Alakul tradition related to the burial of women with jewelry as grave goods turned out to be the most stable rule.

Key words: *Southern Trans-Urals, Bronze Age, mobility, gender, age*

REFERENCES

- Alaeva I. P. [Features of the functioning of the Srubnaya-Alakul contact zone in the Southern Trans-Urals]. *Istoriko-kul'turnyye protsessy na Yuzhnom Urale v epokhu pozdney bronzy: sovremennyye problemy sokhraneniya i izucheniya kul'turnogo naslediya: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoy 70-letiyu so dnya rozhdeniya N. G. Rutto* [Historical and cultural processes in the Southern Urals in the Late Bronze Age: modern problems of preserving and studying cultural heritage: materials of the All-Russian Sci. and Pract. Conf. dedicated to the 70th anniversary of the birth of N. G. Rutto]. Ufa: Dialog Publ., 2016, pp. 40–63. (in Russ.).
- Alaeva I. P. *Kul'turnaya spetsifika pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka stepnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya: avtoref. kand. diss.* [Cultural specificity of the Late Bronze Age sites in the steppe zone of the Southern Trans-Urals: Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2015. (in Russ.).
- Alaeva I. P., Markov S. S. [Monuments of a Bronze Age at village Peschanka in Southern Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin]. Ufa: Gilem Publ., 2009, iss. 9, pp. 28–45. (in Russ.).
- Berseneva N. A. *Vozrastnaya i gendernaya differentsiatsiya v obshchestvakh Yuzhnogo Urala II tys. do n. e. (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov): avtoref. dokt. diss.* [Age and gender differentiation in the societies of the Southern Urals in the 2nd millennium BC (based on materials of burial monuments): Abst. Diss. Doct.]. Ekaterinburg, 2019. (in Russ.).
- Denisov I. V., Ismagilov R. B. [I Sanzypovsky burial ground of the Srubnaya culture in the South of Bashkiria]. *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya* [Materials on the Bronze and Early Iron Age of the South Cis-Urals and the Lower Volga Region]. Ufa: BNTs UrO AN SSSR Publ., 1989, pp. 35–40. (in Russ.).

- Gavrilyuk A. G., Grigoriev S. A., Markov S. S. [Burial complexes. Burial grounds Ak-Mulla I, Gorodishchenskoe-IX, Narovchatsky II]. *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the South Urals. Steppe (problems of cultural genesis)]. Chelyabinsk: Rifey Publ., 2006, pp. 89–152. (in Russ.).
- Gorbunov V. S., Morozov Yu. A. *Nekropol' epokhi bronzy Yuzhnogo Priural'ya* [Necropolis of the Bronze Age of the Southern Cis-Urals]. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1991. (in Russ.).
- Kitov E. P., Khokhlov A. A. [Paleoanthropology of Alakul Timber-Grave culture of the South Ural region time]. *Vestnik antropologii* [Herald of Anthropology], 2008, no. 16, pp. 71–83. (in Russ.).
- Kostyukov V. P., Alaeva I. P. [Burial grounds of the Bronze Age near the Sistema station]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Istoricheskiye nauki* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. Series 1: Historical Sciences]. Chelyabinsk: ChelGPI Publ., 2004, iss. 2, pp. 5–56. (in Russ.).
- Lyubchansky I. E., Ivanova N. O. [I Ilyassky burial ground — a new burial complex of the Srubno-Alakul time]. *Materialy po arkheologii i etnografii Yuzhnogo Urala* [Materials on archaeology and ethnography of the Southern Urals]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas Publ., 1996, pp. 89–105. (in Russ.).
- Mobil'nost' i migratsii: kontseptsii, metody, rezul'taty: materialy V Mezhdunarodnogo simpoziuma "Mobil'nost' i migratsii: kontseptsii, metody, rezul'taty"* [Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results: Proceedings of the 5th Intern. Symposium "Mobility and Migration: Concepts, Methods, Results"]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2019. (in Russ.).
- Obydenнова G. T., Rutto N. G., Ismagilov R. B. [Aknazarovsky burial ground of the Srubnaya culture]. *Bronzovyy vek Yuzhnogo Priural'ya: Mezhevuz. sbornik nauch. trudov* [Bronze Age of the Southern Cis-Urals: Interuniversity collection of sci. papers]. Ufa: BashGPI Publ., 1985, pp. 40–53. (in Russ.).
- Past Mobilities. Archaeological Approaches to Movement and Mobility*. Farnham: Ashgate, 2014. (in English).
- Petrov F. N., Kupriyanova E. V. *Poseleniya epokhi bronzy v Arkaimskoy doline: po rezul'tatam razvedochnykh issledovaniy 1997–2015 gg.* [Settlements of the Bronze Age in the Arkaim Valley: Based on the Results of Exploration Studies in 1997–2015]. Moscow: Moskovskiy oblastnoy obshchestvennyy fond "Nasledie" Publ., 2016. (in Russ.).
- Porokhova O. I. [The Srubnaya-Alakul Pokrovskoe settlement in the Western Orenburg region]. *Materialy po epokhe bronzy i rannego zheleza Yuzhnogo Priural'ya i Nizhnego Povolzh'ya* [Materials on the Bronze and Early Iron Age of the South Cis-Urals and the Lower Volga Region]. Ufa: BNTs UrO AN SSSR Publ., 1989, pp. 60–71. (in Russ.).
- Rafikova Ya. V. [The Srubno-Alakulsky kurgan at Selivanovskij II cemetery in the South Trans-Urals and the issue of Bronze Age double burials]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2008, no. 4, pp. 72–83. (in Russ.).
- Rutto N. G. *Srubno-alakul'skiye svyazi na Yuzhnom Urale* [The Srubno-Alakul contacts in the South Urals]. Ufa: Gilem Publ., 2003. (in Russ.).
- Salnikov K. V. *Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala* [Essays on the ancient history of the Southern Urals]. Moscow: Nauka Publ., 1967. (in Russ.).